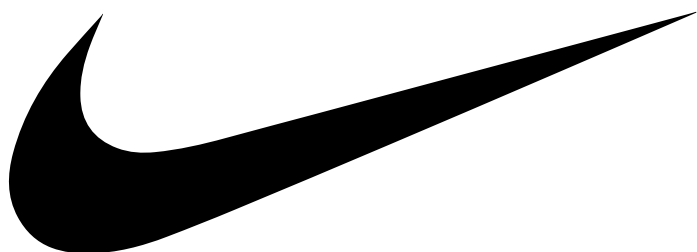

Моим внукам, чтобы они помнили

Phil Knight

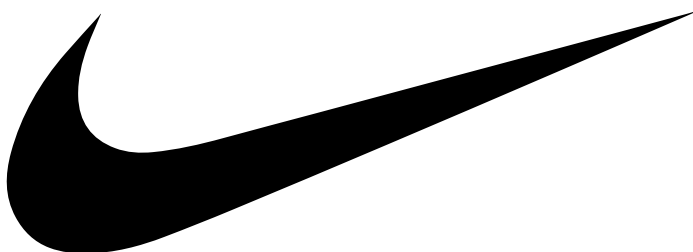
SHOE DOG

*Young Readers
Edition*

Фил Найт

ПРОДАВЕЦ ОБУВИ

Как я создал Nike

*Версия для детей
и подростков*

БОМБОРА™

Москва 2020

УДК 65.01-053.2
ББК 65.290-2
Н20

Phil Knight
SHOE DOG
Yong readers edition

Найт, Фил.

Н20 Продавец обуви. Как я создал Nike / Фил Найт ; [перевод с английского А. Горяиновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 272 с.

ISBN 978-5-04-100854-3

Мировой бестселлер впервые в изложении для детей и подростков!

Когда-то молодой, неудержимый, только что окончивший школу Фил Найт занял у отца 50 долларов, чтобы открыть собственную компанию с одной простой идеей: импортировать недорогую и качественную обувь из Японии. За первый год продаж с фургона Найт заработал 8 тысяч долларов и основал компанию Nike. Сегодня ее годовой оборот — 30 миллиардов долларов.

Книга поможет детям выбрать будущую профессию или вид бизнеса, научиться зарабатывать деньги, ставить правильные цели и добиваться их, никогда не сдаваться и не останавливаться на достигнутом.

**УДК 65.01-053.2
ББК 65.290-2**

ISBN 978-5-04-100854-3

© Text copyright © 2017 by Phil Knight
© Young Readers Edition adaptation copyright ©
2017 by Phil Knight
© Scribner, a Division of Simon & Schuster, Inc.,
original publisher
© Горяинова А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
Глава 1. РАССВЕТ	9
Глава 2. 1962	16
Глава 3. 1963	51
Глава 4. 1964	56
Глава 5. 1965	93
Глава 6. 1966	113
Глава 7. 1967	131
Глава 8. 1968	148
Глава 9. 1969	169
Глава 10. 1970	189
Глава 11. 1971	205
Глава 12. 1972	228
Глава 13. 1974	231
Глава 14. 1976	238
Глава 15. 1977	241
Глава 16. 1978	245
Глава 17. 1979	247
Глава 18. 1980	250
ЭПИЛОГ	257
БЛАГОДАРНОСТИ	265

Ум новичка видит множество возможностей, ум профессионала — пару.

*Шунрю Судзуки.
Ум дзэн, ум новичка*

Для того чтобы оставаться на месте, Алиса, тебе придется бежать очень быстро. А для того, чтобы куда-то попасть, — в два раза быстрее!

*(Улыбка Чеширского кота)
Льюис Кэрролл. Сквозь зеркало*

ВСТУПЛЕНИЕ

ПИСЬМО К МОИМ ВНУКАМ

Дорогие Джордан, Логан, Ридли, Уиллоу, Энтони, Дилан, Николас, Риди, Генри, Рили и Меррик.

В старших классах школы я понятия не имел, чем хочу заниматься в жизни. А если быть совсем точным, то каждую неделю я хотел выбрать новую профессию — журналист, бизнесмен, юрист, спортивный обозреватель, учитель... И эта проблема не стала ближе к решению ни в годы, проведенные в колледже, ни перед его окончанием. Я пытался получить хорошее образование, ведь я знал, что это поможет мне. Но меня беспокоила сама необходимость делать выбор. Выбор профессии в реальной жизни.

ВСТУПЛЕНИЕ

Сейчас я понимаю, что мне повезло. Процесс принятия решения — это та часть пути, которая доставляет удовольствие. Путь, уготованный мне, был нестандартным, но в итоге именно он привел к хорошим результатам. И мне кажется, что рассказ об этом пути может быть вам полезен.

Я помню моменты рождения почти всех вас — когда перед вами лежал весь мир. А перед вашими старшими родственниками вставало множество вопросов: как подготовить вас к жизни, как выучить, как воспитывать, как улыбаться вместе с вами.

Но при нормальном течении событий, а всегда кажется, что это случается слишком скоро, приходит тот день, когда мы входим в ваши комнаты, а там холодно, кровати пусты и на них — ни следа вашего присутствия. В этот день наша работа будет выполнена, вы уйдете во взрослый мир — в колледж, на работу или в жизнь с кем-то другим. И если опыт или уроки, полученные вашим дедушкой на своем пути, окажутся вам полезны... что ж, тогда оно все того стоило.

Мой дом отличался от тех, где выросли вы. В моем доме мои сыновья, Мэтт и Тревис, отцы вас, шестерых, выросли вместе с третьим братом — они не могли увидеть или дотронуться до него, однако его присутствие постоянно ощущалось.

И они всегда знали о том, что тот, другой брат, рядом с ними. Мне стало важно, чтобы и вы узнали об этом члене нашей семьи. О нем уже очень много написано, но я хотел бы, чтобы вы увидели его моими глазами — его рождение, подростковые битвы, то, как он рос до того момента, когда смог покинуть дом.

Я рассказал о нем здесь со всеми его юношескими несовершенствами, но, несмотря на все это, я надеюсь, что вы примете его как члена семьи.

С огромной любовью,

Дедушка.

РАССВЕТ

Я проснулся раньше других, раньше птиц, раньше солнца. Я проглотил кусочек тоста, надел шорты и свитер и зашнуровал свои зеленые беговые кроссовки. Затем тихонько выскользнул из дома через заднюю дверь.

Я попытался растянуть ноги, поясницу и простонал, делая свои первые упрямые, тяжелые шаги по дороге в прохладный туман. Ну почему всегда так сложно начинать?

Вокруг не было ни души — ни машин, ни людей, никаких признаков жизни. Я был совсем один, мир принадлежал мне — хотя у меня было странное чувство, будто деревья осознают мое присутствие. Это ведь Орегон. Здесь кажется, что деревья все о тебе знают. Деревья всегда тебя защитят.

Как здорово родиться в таком красивом месте, думал я, оглядываясь вокруг! Спокойствие, зелень, безмятежность — я гордился тем, что могу назвать Орегон своим домом, и тем, что маленький городок Портленд — место, где я появился на свет. Но я также почувствовал укол разочарования. Несмотря на его красоту, некоторые не выносят Орегон за то, что здесь ничего значительного не происходит и вряд ли когда-нибудь вообще что-то произойдет.

Если мы, орегонцы, и были чем знамениты, так это старой, тяжелой и извилистой дорогой, которую нам пришлось проложить, чтобы попасть сюда.

ГЛАВА 1

Хорошо, что с тех пор сложностей в жизни поубавилось.

Лучший из учителей, когда-либо встретившихся мне, один из самых прекрасных людей, которых я знал, часто говорил о тропе так: «Это наше право по рождению. Это — наш характер, наша судьба, наше ДНК. Труссы никогда даже не ступали на нее, а слабые умирали по пути — остались мы».

Мы. Над этой тропой витал, как верил мой учитель, дух первооткрывателей. Этот дух сочетал в себе ощущение безграничных возможностей и безжалостность к пессимизму. И задача нас, орегонцев, была в том, чтобы сохранять этот дух живым.

Я кивал, демонстрируя тем самым должное почтение к его словам. Я любил этого человека. Но, уходя от него, думал: «Господи Боже, это же просто грунтовка!»

Тем туманным утром я только что проложил свою собственную тропу — дорогу обратно домой после семи долгих лет отсутствия. Вернуться сюда было странно. Будто здесь, с моими сестрами-двойняшками, родителями, теперь жил незнакомец, и именно он, этот неизвестный мне человек, спал в моей детской кровати. Поздно ночью я лежал на спине, вглядывался в свои учебники из колледжа, призы и наградные голубые ленты из высшей школы и думал: «Это все сделал я?»

Я ускорил шаг. Мое дыхание превращалось в круглые, морозные облачка, крутящиеся в тумане. Я смаковал это ощущение от первого пробуждения, это шикарное состояние до того, как ум станет полностью ясным, когда конечности и суставы начнут расслабляться и тело станет таять. От твердого к жидкому. Быстрее, сказал я себе. Быстрее.

На бумаге, думал я, я — взрослый. Выпускник университета Орегона. Магистерская степень лучшей школы бизнеса — Стэнфорда. Выжил после года службы в армии

США — Форт Льюис и Форт Юстис. В моем резюме говорилось, что я обученный, квалифицированный солдат, мужчина полных 24 лет... Так почему же, поражался я, почему я все еще чувствую себя ребенком?

Тем же самым бледным, застенчивым, тощим как шпала ребенком, которым я всегда был. Может быть, дело в том, что у меня еще толком не было никакого жизненного опыта. Меньше всех я был подвержен соблазнам и порывам. Я не нарушал никаких правил. 1960-е, годы протеста, шли уже полным ходом, и я оставался единственным человеком в Америке, кто еще ни против чего не протестовал.

Я не мог вспомнить ничего, что бы называлось «неожиданно выкинул». Мне проще всего было бы перечислить то, чем я не был. Кем я не был — это я прекрасно знал. Мне было сложно сказать — кем я был или мог бы стать.

Как все мои друзья, я хотел быть успешным. Но, в отличие от своих друзей, я не знал, что это значит. Деньги? Может быть. Семья? Дом? Конечно, если мне повезет. С этими целями меня научили жить, приучили хотеть их добиваться, и какая-то часть меня действительно стремилась к ним, инстинктивно. Но в глубине души я искал чего-то другого, чего-то большего. У меня было болезненное чувство, что наше время ограничено, и его может быть гораздо меньше, чем мы думаем. Иногда я думал, что наша жизнь короче утренней пробежки. И мне хотелось, чтобы моя жизнь имела смысл. Была творческой. И важной. И, в довершении всего... отличной от жизней остальных людей. Другой. Я хотел оставить след в этом мире.

Я хотел побеждать. Нет, не так. Я просто не хотел проигрывать. А потом это случилось. Когда мое юное сердце начало колотиться, розовые легкие расширились, словно крылья птицы, когда деревья слились в зеленые пятна, я внезапно увидел, прямо перед собой, ответ на вопрос о том, чем хочу сделать свою жизнь. Игрой.

ГЛАВА 1

Да, подумал я, вот оно. Вот это понимание. Секрет счастья, как я всегда подозревал, кроется в том моменте, когда мяч летит в воздухе, когда два боксера на ринге чувствуют приближение гонга, когда бегуны приближаются к финишу — и толпа на трибунах встает в едином порыве. В той секунде, когда решается, проиграешь ты или победишь, есть какая-то невероятная полнота и ясность. Я хотел, чтобы это ощущение стало моей ежеминутной жизнью, моим «здесь, сейчас и всегда».

В разные времена я мечтал о том, что стану великим романистом, журналистом или деятелем правительства. Но самая большая моя мечта — стать великим спортсменом. К сожалению, судьба сделала меня хорошим спортсменом, но не великим. В 24 года я был поставлен перед этим фактом. Я бегал длинные дистанции в Орегоне и даже отличился, заслужив право быть частью местной спортивной команды. Но это было все, предел. Теперь же, когда передо мной пролетали одна за другой мили, а восходящее солнце зажигало огни на самых нижних ветках сосен, я спрашивал себя: «А что, если бы можно было, не будучи спортсменом, чувствовать то, что чувствуют они? Чтобы вместо работы — всегда игра? Или наслаждаться работой также сильно, что одно чувство не будет отличаться от другого?»

Мир набрал слишком большую скорость. Ежедневная рутина так выматывает и часто не стоит тех усилий, которые мы в нее вкладываем. Так, может быть, единственный ответ на этот вызов, подумал я, в том, чтобы найти какую-нибудь прекрасную, невероятную мечту, которая покажется стоящей, приносящей радость, и следовать ей с целенаправленностью и концентрацией спортсмена. Нравится мне это или нет, но жизнь — игра. Тот, кто отрицает правду, кто отказывается играть, будет выброшен на обочину, а этого я не хотел. Оказаться на обочине жизни я не хотел больше всего на свете.

Все эти мысли вели меня к моей Безумной Идее. Может быть, просто в порядке эксперимента мне нужно еще раз взглянуть на мою Безумную Идею? Возможно. Снова возникли мысли — а может ли моя Безумная Идея сработать? Кто знает? Быть может.

Нет, нет, подумал я, ускоряясь так, словно гнался за кем-то. И в то же время будто кто-то гнался со мной. Она будет работать. Будет! С божьей помощью я заставлю ее работать. Никаких «но» не может быть. Я одержу победу!

Я вдруг почувствовал, как на бегу улыбаюсь. Почти смеюсь. Заливаясь потом, двигаясь так грациозно и легко, как никогда прежде, я вдруг увидел свою великую Безумную Идею, ярко светящуюся надо мной. И она не выглядела такой уж безумной. Она даже не выглядела как идея. Она выглядела как реальность. Она выглядела как человек или какая-то жизненная сила, которая существовала задолго до меня, и всегда — отдельно от меня, но так же, как бы странно это ни звучало, и как часть меня. Это может выглядеть немного патетично, немного безумно. Но именно так я себя чувствовал в ту минуту.

А может, все было не так. Может, моя память преувеличивает этот момент прозрения? Или сливает множество маленьких прозрений в одно большое? Или, может быть, если такой момент и был, это был всего лишь экстаз бегуна. Не знаю. Не могу сказать. Столько всего смешалось в воспоминаниях об этих днях, постепенно сложившихся в месяцы и годы. А сколько всего испарилось, как те круглые, морозные облачка дыхания? Миллионы мыслей и переживаний.

Остается тем не менее та самая глубинная правда, которая никогда от меня не уйдет. В 24 года у меня была Безумная Идея. Я признаю ее жизнь во мне. И, несмотря на то, что меня лихорадило от юношеской неуверенности

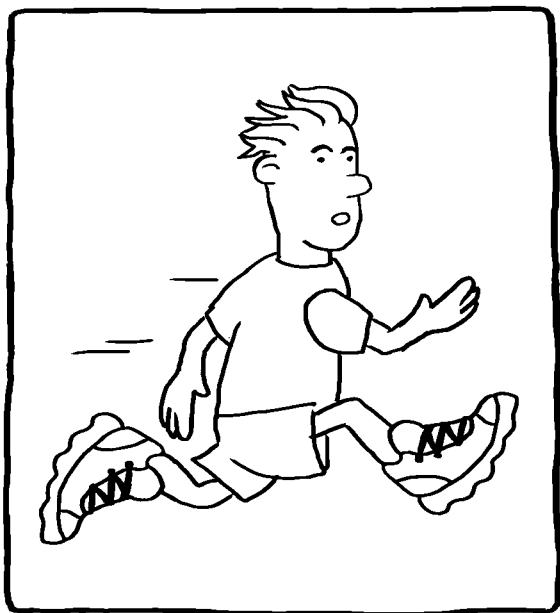
ГЛАВА 1

в завтрашнем дне, страхов по поводу будущего, сомнений в себе, как и всех двадцатилетних мужчин и женщин, я решил, что мир создан для сумасшедших идей. А для чего же еще? История — это длинная непрерывная летопись безумных идей. Вещи, которые я любил больше всего, — книги, спорт, демократия, частное предпринимательство, — все начинались как безумные идеи.

В этом отношении безумные идеи о переустройстве мира так же рискованны, как и мое любимое занятие — бег. Переделывать мир — это тяжело, больно, рискованно. Награда невелика и вовсе нам не гарантирована. Когда ты бегаешь по стадиону или по пустой дороге, у тебя нет реального пункта назначения. По крайней мере, ничто не может полностью оправдать наши вложенные в бег усилия. Само по себе действие — бежать! — становится пунктом твоего назначения. Дело не в том, что не существует финишной черты. Нет. Не свисток арбитра, а сам ты определяешь, где она.

Какие бы удовольствия или достижения вы ни извлекали из бега или что бы вы ни пытались извлечь из бега, вы должны все стимулы найти внутри себя. Каждый бегун знает это. Ты бежишь и бежишь, милую за милую, и ты никогда толком заранее не знаешь зачем. Ты говоришь себе, что бежишь к некой цели, соревнуешься в гонке, но на самом деле ты бежишь потому, что альтернатива этому — остановка — пугает тебя до смерти. Поэтому-то ты и бежишь!

Поэтому тем утром 1962 года я сказал себе: пусть все окружающие считают твою идею безумной... Но это их право. А ты — ты просто продолжай бег. Не останавливайся. Даже не думай останавливаться, пока ты туда не придешь, и не особо задумывайся, где находится это заветное «туда». Что бы ни происходило, просто не останавливайся.

Это был глубокий, даже провидческий, и своевременный просвет в мыслях, который я сначала умудрился дать сам себе. Я взял его из ниоткуда, а затем смог применить. Полвека спустя я твердо верю, что это — лучший совет, который я дал сам себе. А возможно, и единственный, который вообще следует давать самому себе.